

К ВОПРОСУ ЛИТЕРАТУРНОЙ ОНОМАСТИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. КВИТКИ-ОСНОВЬЯНЕНКО

Виктория Лебович

Григорий Квитка-Основьяненко (1778–1843) был основоположником украинской художественной прозы и жанра социально-бытовой комедии в классической украинской литературе. Его творчество оказало значительное влияние на дальнейшее развитие украинской литературы, в первую очередь на так называемую этнографическую школу.

Уже литературные псевдонимы Квитки свидетельствуют о важности ономастики как в жизни писателя, так и в его творчестве, что мы и попытаемся проиллюстрировать на примерах, взятых из его произведений разных времен.

Литературную деятельность Г. Квитки-Основьяненко, начало которой приходится на 1816 год, можно разделить на русскоязычные и украиноязычные периоды творчества. Это объясняется среди прочего и тем, что в сложной, обремененной политическими перипетиями ситуации Г. Квитка-Основьяненко, как и другие представители современной украинской словесности, борется за право украинского языка, украинской литературы и украинской нации за существование.

Квитка был выходцем из старого козацко-старшинского рода, воспитывался в патриархально-религиозном духе. Писать начал поздно, в возрасте 35 лет, сначала писал по-русски, а по-украински стал писать лишь тогда, когда ему исполнилось уже 55 лет.

Оценка литературной деятельности Г. Квитки-Основьяненко всегда была противоречивой. Объяснением этому служат с одной стороны противоречия в мировоззрении и творчестве самого писателя, а с другой – его своеобразное двойственное общественное положение: он был либеральным дворянином и вместе с тем всю жизнь занимал высокопоставленные должности. Хорошо иллюстрирует противоречивую оценку деятельности писателя следующий эпизод. Когда в 1840 году Квитку выбрали главой харьковского уголовного суда, дворяне, поздравляя его, просили: «Только вы (...) уже не пишите ни по-хохлацки, ни по-русски: это к такому важному месту и теперешнему вашему положению не подобает! Так, уже, будьте добры, Григорий

Федорович, бросьте свои писания! Мы вас об этом очень сильно просим...» В ответ на это Г. Квитка-Основьяненко спокойно достал из кармана письмо П. Плетнева и стал его читать вслух. В письме речь шла о том, что П. Плетнев представил одну из повестей писателя в императорской семье. Повесть понравилась императрице, а ее дочери, слушая произведение, плакали. Все они просят Квитку писать еще и еще. Ошеломленным дворянам ничего другого не оставалось как поздравить автора с успехом (Гончар 1969: 31–32).

С 1816 до 1828 года Квитка-Основьяненко был уездным предводителем дворянства: в это время он накапливает весь тот отрицательный опыт, который стал основой его русскоязычных произведений двадцатых годов.¹

В начале своей литературной деятельности Г. Квитка-Основьяненко пишет ряд сатирических очерков на русском языке, в которых остроумно высмеивает жизнь помещиков. «Письма к издателям» и «Письма к Лужицкому старцу», в которых автор «особое внимание уделяет раскрытию *галломании* русского и украинского дворянства», высмеивает ограниченность провинциальных помещиков, их слепую пристрасть ко всему иностранному и глупую погоню за модой, выходят в свет с подписью-псевдонимом Фалалей Повинухин. «Главный персонаж фельетонов – помещик Фалалей Повинухин – это продолжение новиковской традиции и в жанре писем, и в имени Фалалей, который вроде бы перешел, постарев, от Новикова к Квитке», – пишет Е. Вербицкая (Вербицька 1968: 19).

Оним Фалалей, который в русской сатирической литературе XVIII столетия использовался в символическом значении невежества и тупости, обозначает «глупца или простака» и предположительно происходит от греческого «Thallō» – «цвести» и «elaia» – «маслина» (Петровский 1995: 286).

Однако третье письмо Фалалей подписывает уже иначе: «Адье! Есьм, как и был, только с небольшою переменою Фалурден Повину-

¹ В конце 20-х годов Квитка-Основьяненко написал пьесы «Приезжий из столицы или суматоха в уездном городе» (1827), «Дворянские выборы» – часть первая (1829) и «Дворянские выборы» – часть вторая (1830), «Турецкая шаль, или Так водится» (1829), «Ясновидящая» (1829), «Шельменко – волостной писарь» (1831).

хин» (309).² А в самом письме Повинухин объясняет, что нанятый для обучения дочери француз: «созвал всю дворню, приказал барыню называть мадам, Дуняшу – мадемуазель, меня – Фалурден, а себя – мосье Леконт». И делает вывод: «Теперь вместо дурака, нет мне другого имени, как Фаля – а от французского Фалурден» (308–309). Французское слово «falourde» в первом значении обозначает «вязанку дров или поленьев», что несомненно актуализирует коннотации, связанные с именем героя, т.е. «дурак» = «дубина». Во втором же значении слова появляются разные оттенки семантического гнезда, связанного с уголовщиной, так как «falourde» – это «преступник, просто заключенный или бежавший заключенный». Таким образом, глупый простофиля Фалалей в третьем письме как бы «повышается в звании» и строит свою «ономастическую карьеру», превращаясь из наивного глупца в ведущего себя противоправно гражданина. Заключенное в смене имени «перерождение» героя реализуется и на уровне сюжета произведения: из-за того, что полностью разоренный французом Фалалей перестал платить подушные за своих крестьян, содержал их в нечеловеческих условиях и заложил свою деревню, имение описывают, а его с семьей пускают по миру.

Явные и скрытые семантические коннотации имени героя обыгрываются в тексте не раз. Например, пришедший исполнять приказ правительства исправник говорит: «Нет, сударь, я вас теперь очень знаю: вы точный Фалалей (читай *дурак* – Л.В.), или как стоит в *Украинском Вестнике*, Фалурден Повинухин» (317). Намек, содержащийся в определении «точный», подтверждает и сам помещик. «Что я Фалалей (читай *дурак* – Л.В.) – то уже доказано, и никто против того не поспорит; а что Повинухин, то еще больше докажу, когда в часы величайшего гнева жены моей стану, уединяясь в свой кабинет, описывать вам важнейшие приключения моей жизни» (304). Вот, что обещает Фалалей, и выполняя обещание, неоднократно эксплицирует в письмах значение своей прозрачной «говорящей фамилии»: «Мы там живем двое с женою очень согласно: жена моя капризна, своенравна, сердита, как злая женщина; зато я (...) повинуюсь ей, слушаюсь во всем и угождаю (...). Единственное наше и ничем не прерываемое занятие:

² Цитаты из «Писем...» здесь и далее приводятся по изданию: Г.Ф. Квітка-Основ'яненко. Зібрання творів у семи томах. т. 2. Драматичні твори. Рання проза. Київ, 1979. Номер страницы дается в скобках.

жена меня бранит, а я молчу; или я молчу, а жена меня бранит» (301). Значение онима в тексте усиливается при помощи разных стилистических средств, в данном случае при помощи остроумного хиазма, а в следующей цитате посредством тавтологии: «Нечего делать, Повинухин повинуется...» (318).

Отчество Фалалея, также содержащее в себе образотворческие функции, встречается в тексте всего лишь один раз и совсем неслучайно в названии написанного сельским батюшкой в качестве поздравления с именинами стихотворения под названием «Акростишие в день тезоименства его благородия Фалалея Феодуловича Повинухина». Краестишие, рассчитанное на зрительное восприятие, отсылает к графической оболочке онима:

«Пусть Крон несет с собой все в пропасти забвенья,
 Отнять же чтоб тебя, нет сил в нем, нет уменья,
 Вот, может, под его и ты падешь косою;
 И что ж успеет он? Сердечною слезой
 Несчастливых сирот всегда прах оросится,
 У счастливых же жен веки продолжится
 Хоть вспоминание о твоих делах
 И сколь таков, как ты, для жен всегда муж благ?
 На многие лета тебе я жить желаю;
 У края же стихов тебя я называю.

Нижайший вашего села
 отец Трифан Панахин» (314).

Сына «раба божьего» – (Феодул – это имя греческого происхождения, образованного от «theos» – «бог» и «dulos» – «раб») – с именинами поздравляет рифмач, горе-стихотворец сельский батюшка Трифан Панахин, литературный талант которого Повинухин превозносит вот как: «... мой батька Трифан, учившийся в семинарии 10-ть лет назад, написал мне стихи на день пасхи и потом каждый год их – то задом наперед поставит, то с боку на бок перевертит, то стопы и рифмы перековеркает и всегда мне их подносит как новые: хотя материя все та же и толку по-прежнему не добьешься; но – очень приятно иметь в деревне собственного стихотворца» (304).

Трифан Панахидин является типичным представителем современного духовенства. Его имя образовано по тому же принципу, что и оним главного героя: с одной стороны говорящая фамилия, созвучна со словом «панихида», т.е. церковной службой по умершему, и с другой – содержащее в себе скрытые коннотации имя иностранного происхождения. В имени «Трифан», а это просторечный вариант «Трифона», образованного от греческого причастия «trūphōn» – «живущий в роскоши» (Петровский 1995: 281), закодирована критика современного духовенства, нарушающего все нормы христианской морали, встречающаяся в едва заметной «штрихообразной» форме в большинстве украинских произведений XIX столетия.

Даже этот краткий экскурс доказывает, что Квитка-Основьяненко совершенно сознательно использует в своих произведениях образотворческие функции онимов. Важным средством в его литературной ономастике является мена имен, к которой автор не раз прибегает в своих произведениях. Причем, вызванная разными причинами мена имен как правило сопровождается дидактическими поучениями, также характерными для творчества Квитки. Например, Фалалей заключает цикл своих писем следующим образом: «Прощайте, господа! (...) Все, все суета: я испытал, – что ни имя, ни чин не умножает в человеке достоинств. Я имел множество имен: настоящее Фалалей, в цыганстве был Сергейка, в жидовстве – Абрамчик, у турков – Солиман, у французов – Фалурден, а все был ни лучше, ни хуже, как ваш покорный судья Фалалей Повинухин» (319).

В украиноязычной повести «Сердешна Оксана», которая была напечатана в альманахе «Ластівка» в 1841 году, Григорий Квитка обращается к классическому мотиву сентиментальной литературы: Оксана гибнет, повторяя трагическую судьбу девушек-селянок, ставших жертвами господ-искусителей. «Сердешна Оксана» может рассматриваться как вариация «Бедной Лизы» Н.М. Карамзина (Чалий 1961: 226), однако здесь важно и то, что Оксана украинка, а ее искуситель – русский солдат. Насильное лишение девушек родного украинского имени и отказ от старосветских законов дает повод автору-рассказчику поразмышлять: «Оксано, Оксано! Якби ти більше панів знала, (...) ти б з першого слова відбігла б від нього, як від лихої години. Ти не знала панів, чи ще лучше – паничів! Не диво їм одурити селянку, що зроду їх не бачила, не чула, як вони брешуть, як заприсягаються, як опісля гублять

тих, що їм піддається. Паничі звиклися на тих бідних, що озьмуть від батька, від матері у двір за панночками ходити, зараз обстрижуть їм коси і піднімуть на гребішок, що так і тирчать на голові, мов на півневі; з православної плахти та нарядять її у той проклятий компот; з Явдохи перевернуть на Дуняшку, з Ївги – на Євгенію, з Пріськи – на Афроську...» (Квітка-Основ'яненко 1981б: 272). Именно в этом ракурсе становится понятно почему в другой повести «Божі діти» Захарий, благодаря добрых господ-москалей, взявших к себе на воспитание девочку-украинку, при первом свидании говорит: «А найпуще вам, добродійко, за те дякую, що Мелася і в вас Мелася. Будьте ласкаві, не перехресуйте її на панське імення: нехай зостанеться так, як і у віру уступила: Мелася та й Мелася» (Квітка-Основ'яненко 1981а: 358).

В 1827 году выходит в свет комедия «Приезжий из столицы, или суматоха в уездном городе», которая перекликается со знаменитым гоголевским «Ревизором». И в этой комедии «писатель широко использует эмоционально-окрашенные говорящие имена для создания комической ситуации» (Медведев 1968: 148). В доме городничего Трусилкина, сильно опасавшегося вышестоящего начальства, собираются бичующий всех судья Спалкин, почтовый экспедитор Печаталкин, тупой и недалекий смотритель уездных училищ Ученосветов, частный пристав Шарин. Их всех бессовестно вводит в заблуждение псевдоревизор Пустолобов. Галломания провинциального дворянства, являющаяся сюжетообразующим каркасом «Писем к издателям», проявляется и в грубом жеманстве недалекой дочери стряпчего (судебного чиновника), упрекающей свою мать М.С. Кусакину следующими словами: «Ах, chère maman! Не я ли вас сто раз просила называть меня по-людски, а не по-однодворчески. Что это за ужасное выражение – Евгаша! Эйжени!... кажется, ясно» (Квітка-Основ'яненко 1978: 31). Евгаша-Эйжени бахвалится перед своим антиподом – племянницей городничего Анной Петровной Любимовой, олицетворяющей символ чистоты, ума и добродетели: «Извините. В два года я была в трех пансионах: у мадам Вашер, у мадам Гросваш, у мадам Торшон, и везде ни слова по-русски... и даже русской книги в руки не брала» (Квітка-Основ'яненко 1978: 33).

Имена владелиц пансионных «педагогов», готовящих благородных девиц к достойной жизни в высшем свете, содержат в себе обилие коннотаций, раскрывающих реальное положение дел. Номинация ма-

дам Вашер (Vacher) осуществляется от французского слова, обозначающего в первом значении «пастушку при стаде коров», что уже само по себе не очень-то лестно характеризует воспитанниц заведения. А с пометками «разговорное и фамильярное» слово «vacher» обозначает еще и «неуча, невежду и неотесаную детину». Мадам Гросваш (Grosse vache), будучи «толстой или большой коровой» дополняет картину: и во втором пансионе «достойные» воспитанницы набираются ума-разума у «достойной» воспитательницы. А имя мадам Торшон (Torchon), образованное от слова «тряпка», имеющее также значение нецензурного названия женщины легкого поведения, писанины, грязного чтива, неряхи, грязнули и простыни, уточняет и наносит дополнительные многозначные штрихи к образам воспитывающих молодежь «жриц науки, мудрости и изысканного вкуса».

Интересно, что Квитка-Основьяненко временами возвращается к своим находкам и заимствует у себя же ранее использованные онимы. Так, в русскоязычном сатирическом романе «Пан Халявский» (1839), идею написания которого подсказал автору В.А. Жуковский, охарактеризованном В.Г. Белинским следующими словами: «Остроумному Основьяненку пришла в голову счастливая мысль – сравнить прошедшее время с настоящим, заставив человека прошлого века рассказывать про жизнь своих *дражайших родителей*, свое воспитание и про всю свою жизнь. Этот человек – род малороссийского Митрофанушки, и он выполнил задачу автора как нельзя лучше: словно на ладоне видите вы почтенную старину, преисполненную невежества, лени, обжорства и предрассудков; видите как глупый муж бьет свою глупую жену и тузит детей; как глупая мать насмерть закармливает своих милых деток. А детки дерутся друг с другом за всякий кусок, обманывают отца и мать и, выросши, заводят друг с другом процессы и творят друг другу всевозможные обиды. (...) Кто смешлив от природы, советуем не читать *Пана Халявского*, если боится заболеть от хохота: уморительнее ничего нельзя выдумать» (Белинский 1978: 462). Автор, хоть и мимолетно, вспоминает мадам Гросваш: «Тут все, написанное мною, моя невестка, второго сына жена, женщина модная, воспитанная в пансионе мадам Гросваш, зачернила так, что я не мог и разобрать...» (Квітка-Основ'яненко 1979: 17).

С 30-х годов начинается новый этап творчества писателя: выходят в свет произведения, написанные на украинском языке. В то

время как русскоязычные пьесы Г. Квитки-Основьяненко несут в себе острый сатирический изобличающий элемент, в украинских произведениях явно превалирует стремление показать украинский народный идеал. В центре внимания автора – герой из народа, изображенный в сентиментально-идиллическом духе с обилием дидактических, морализаторских размышлений и поучений. В 1834 и 1837 году в Москве были изданы два сборника прозаических произведений Г. Квитки-Основьяненко, написанных на украинском языке «Малороссийские повести, рассказываемые Грыцьком Основьяненком».

Так, по словам С. Ефремова, Фалалей Повинухин переродился в Грыцька Основьяненко (Ефремов 1995: 329). Сам Квитка объяснял этимологию своего украинского псевдонима «Основьяненко», являющегося данью времени, следующим образом: «Написавши кілька повістей на малоруській мові, я, за звичаєм добрих земляків моїх – крім свого справжнього прізвища, брати інше, або по імені батька (напр. Пертенко, Василенко), або за місцем проживання (напр. Зайченко, Боровенко, – така вже у них вдача!) – щоб повністю підробитися під їх вдачу, взяв собі прізвище за місцем проживання: живу в селі Основа, отже – хай буду «Основьяненко» (Квітка-Основ'яненко 1961: 213).

В 1841 году в одном из писем к А.П. Плетневу Г. Квитка-Основьяненко прилагает цитату из ядовитой, уничтожительной критики «Библиотеки для чтения», автор которой не оставил без внимания и псевдоним Квитки. Отец украинской прозы возмущенно спрашивает: «Где приличие, где пристойность, где уважение к неотъемлемой собственности человека, к его имени, хотя бы и принятому? Напечатанная книжка, она одна подтверждена суждению всех и каждого, но написавший ее должен быть неприкосновенным ни в имени, ни в наружности, ни в образе жизни, ни в чем, составляющем собственно *его*» (Квітка-Основ'яненко 1981в: 291). Писатель с полным правом оскорблен, ведь «... в 20-х гг. прошлого столетия было запрещено употреблять в критике *личности*, т.е. вместо опровержения данной мысли, подрывать моральный авторитет ее автора. Поэтому и в литературной полемике того времени часто переносят действие куда-нибудь в Китай и вволю язвят над каким-нибудь мандарином: современники, ощущавшие всю литературную обстановку, хорошо знали, кого следует разуметь под этим мандарином» (Аронсон – Рейсер 1929: 17–18).

Литературные онимы в произведениях Григория Квитки-Основьяненко являются особым лингвистическим средством порождения разнообразных смыслов. Даже этот краткий экскурс свидетельствует о том, что корпус ономастической лексики Квитки-Основьяненко безусловно заслуживает дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

- Аронсон – Рейсер 1929: Аронсон М., Рейсер С.: Литературные кружки и салоны. Ленинград, 1929.
- Белинский 1978: Белинский В.Г.: Сочинения Основьяненка. In: Собрание сочинений в девяти томах. т. 3. Статьи, рецензии, заметки. Февраль 1840 – февраль 1841. Москва, 1978.
- Вербицька 1968: Вербицька Є.Г.: Г.Ф. Квітка-Основ'яненко. (Життя і творчість.) Харків, 1968.
- Гончар 1969: Гончар О.І.: Григорій Квітка-Основ'яненко. Київ, 1969.
- Євремів 1995: Євремів С.: Історія українського письменства. Київ, 1995.
- Квітка-Основ'яненко 1961: Квітка-Основ'яненко Г.Ф.: Супліка до пана іздателя. In: Матеріали до вивчення української літератури. т. 2. Київ, 1961.
- Квітка-Основ'яненко 1978: Квітка-Основ'яненко Г.Ф.: «Приезжий из столицы, или суматоха в уездном городе». In: Г.Ф. Квітка-Основ'яненко. Зібрання творів у семи томах. т. 3. Драматичні твори. Київ, 1978.
- Квітка-Основ'яненко 1979: Квітка-Основ'яненко Г.Ф.: Пан Халявський. In: Г.Ф. Квітка-Основ'яненко. Зібрання творів у семи томах. т. 4. Прозові твори. Київ, 1979.
- Квітка-Основ'яненко 1981а: Квітка-Основ'яненко Г.Ф.: Божі діти. In: Квітка-Основ'яненко. Зібрання творів у семи томах. т. 3. Прозові твори. Київ, 1981.
- Квітка-Основ'яненко 1981б: Квітка-Основ'яненко Г.Ф.: Сердешна Оксана. In: Г.Ф. Квітка-Основ'яненко. Зібрання творів у семи томах. т. 3. Прозові твори. Київ, 1981.
- Квітка-Основ'яненко 1981в: Квітка-Основ'яненко Г.Ф.: Зібрання творів у семи томах. т. 7. Історичні, етнографічні, літературно-публіцистичні статті. Листи. Київ, 1981.
- Медведев 1968: Медведев Ф.П.: Квітка-Основ'яненко Г.Ф. та історія української літературної мови. In: Є.Г. Вербицька. Г.Ф. Квітка-Основ'яненко. (Життя і творчість.) Харків, 1968.
- Петровский 1995: Петровский Н.А.: Словарь русских личных имен. Москва, 1995.
- Чалий 1961: Чалий Д.В.: Перший прозаїк нової української літератури. In: Матеріали до вивчення історії української літератури. т. 2. Київ, 1961.